

3. *Bannikova L.* Women in engineering careers [Electronic resource] / L. Bannikova, A. Petrov. Access mode: <http://library.iated.org/view/BANNIKOVA2014WOM>.

4. *Hapgood K.* Women in Engineering: A Simple Mathematical Theory for the Rate of Adverse Experiences [Electronic resource] / K. Hapgood. Access mode: <http://www.engineersaustralia.org.au/sites/default/files/shado/Learned%20Groups/>.

УДК 331.108.6:316.444.5

А. Г. Кислов

A. G. Kislov

Девальвация труда как фактор роста социально-профессиональной мобильности¹

Devaluations of labour as factor of height of socially-professional mobility

***Аннотация.** Отмечено обесценивание труда и работника, что способствует легковесному отношению последнего и к процессу, и к результату своей работы, а потому и к готовности к постоянному перемещению внутри социально-профессиональной структуры. Показано, что идеал праздности вытесняет идеалы профессионального призвания, мастерства, но при этом и «праздный класс» становится вынужденно мобильным, поскольку персонифицируемый им капитал требует роста производительного, а не растратного потребления.*

***Abstract.** Devaluation of labor and worker assists a light-weight relation last both to the process and to the job performance, and that is why and to readiness to the permanent moving into a socially-professional structure. The ideal of idleness ousts the ideals of the professional calling, mastery. But also a «idle class» becomes forcedly mobile: персонифицируемый a capital requires a height productive, but not costly consumption them.*

***Ключевые слова:** труд, производство, потребление, трудящийся, работодатель, праздность.*

***Keywords:** labour, production, consumption, a worker, employer, idleness.*

Одной из болезненных проблем современной России является девальвация труда, которая (и в общественном сознании, и в экономике) произо-

¹ При финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках выполнения государственного задания № 3189 по проведению научного исследования «Разработка и апробация методологии изучения функционирования и развития мастеров производственного обучения как профессиональной группы».

шла, прежде всего, вследствие превращения в России и самого труда, и трудящихся в сырье, материал, средство извлечения благ. Произошла потеря самооценности труда, проще говоря, люди забыли про радость труда и гордость за него. Речь идет не о счастливых исключениях, которые, конечно, не перевелись, а об отношении к труду на уровне общественного и массового сознания, СМИ, акцентов в программных и, особенно, нормативных документах государства. Труд и трудящиеся превратились в одно из средств получения прибыли (не приоритетных, к тому же, средств, если сравнить с тем, что дают, например, углеводороды и другие природные богатства). Девальвация труда и трудящихся усугубилась вследствие отсутствия крепко стоящих на ногах институтов защиты интересов людей труда (профсоюзы и левые партии часто беспомощны или только имитируют защиту и выражение интересов людей труда, являются нередко лишь номинально левыми, а на самом деле декоративными или дегенеративными структурами). Развиваются процессы дискриминации трудящихся и прекаризации труда (при том, что трудовые отношения заведомо асимметричны, сильной стороной в них всегда является работодатель).

Девальвированный труд девальвированного трудящегося располагает к экзистенциальной дистанции от трудовых занятий: в настоящее время труд воспринимается как обуза, наказание, насилие и т. д. Отчуждение трудящегося от собственного труда, от своих профессиональных занятий, обязанностей, от профессиональной чести и призвания чрезвычайно облегчает отрыв от них, как внутренний, эмоционально-психологический, так и внешний, проявляющийся в манкировании, а то и нескончаемом дрейфе от одного работодателя к другому, от одного вида профессиональной деятельности к другому. Девальвированный труд девальвированного трудящегося обрекает последнего на социально-профессиональную мобильность, которая направлена в большинстве случаев на деградацию (профессиональную, статусную, экзистенциальную). «Случилась не просто перекомбинация социально-востребованных ролей. Случилась их “разморозка”, и плавление не привело, и вряд ли уже приведет к новой устойчивой комбинации. Комбинаций стало сколь угодно много, а границы между ними весьма и весьма условны» [4, с. 166].

К. Маркс, Ф. Энгельс и многочисленные их последователи не только допускали, но и прогнозировали преодоление отчуждения труда. Однако, по замечанию В. В. Белярова, труд и сегодня отчужден всюду и для всех: «Дело в том, что это – одно из обязательных условий жизни человека именно как общест-

венного создания. Допуская устранение отчужденного труда, надо допустить вместе с этим удаление важнейшего из способов коммуникации между людьми, лежащего в основании образования общественных отношений, а значит, человека и культуры. Но это невозможное допущение» [1, с. 92]. Следовательно, процессы роста социально-профессиональной мобильности и отчуждения в сфере труда вряд ли останутся, что не сулит трудящимся легких времен.

Защита же интересов трудящихся, тем не менее, получила разветвленное юридическое выражение и закрепление (как следствие декоративно-декларативного присоединения к международным правовым стандартам, как какая-никакая компенсация тотальной дискриминации трудящихся постсоветским классом собственников). Сохранились также формы государственного, отраслевого и муниципального признания трудовых заслуг, возникли формы корпоративного признания, включающие в себя и моральную, и материальную составляющие. Общественный резонанс от них, тем не менее, почти отсутствует. СМИ сосредоточились на звездах (случилась так называемая «шоуизация» мировосприятия массового обывателя), вовлекая общественное сознание в праздность как во всеми одобряемую и разделяемую ценность и норму, и даже личностный и общественный идеал.

Стремление к праздности девальвированного трудящегося понять не трудно. Но реальной праздностью располагают, конечно, далеко не все (возможно, лишь класс собственников (и то далеко не все его представители), да еще маргиналы, чья активность сводится к собирательству того, что «плохо лежит» (прежде всего, на свалках и помойках)). При этом праздный класс собственников получил не только юридическое, но и этическое оправдание как имеющий возможность вести аутентичный якобы самой человеческой природе образ жизни [2]. Обязывание к труду стало рассматриваться сегодня как разновидность насилия, нарушения прав человека, надругательство над человеческой природой или как наказание. «Причаститься» обеспеченного праздного класса, а лучше – приобщиться к нему, и уж совсем хорошо – войти в него – вот социокультурный ориентир, пришедший на смену двум ориентирам коммунистической эпохи: романтическому (квалифицированный и потому хорошо оплачиваемый трудящийся), прагматическому (двигающийся вверх по карьерной лестнице партхозуправленец). Даже маргинал выбирает сегодня «обходной» путь к той же цели (и ценности) – к материально обеспеченной праздности.

На этом новом фоне совсем слабо стала звучать тема труда как радости (самоценности): стало ясно, что «мало сделать (произвести), надо сбыть (про-

дать, найти покупателя-потребителя)» [3, с. 74], Маркетинг, а не производство непосредственно получает (или не получает) деньги как эквивалент не столько общественно полезного труда (по К. Марксу), сколько признания потребителями: признанней (важнее, ценнее) тот, кто получил больше денег. Деньги на сегодняшний день – и мерило, и средство всех радостей, путь к ним – апофеоз, кульминация всяческих радостей, новоявленная «Радость Всех Радостей». Конечно же, здесь неизбежно «освобождение от контроля со стороны государства и самих тружеников» [3, с. 74]. Рыночная романтика затмила романтику и религиозную серьезность производительного труда. Корусть признана естественнее, фундаментальнее труда (который всегда требует хотя бы некоторой самоотдачи, самоотречения, бескорыстия).

В подобном рыночном обществе – обществе потребления радостей и культивирования праздности – производительный труд (сам труд, а не только его образ в представлениях людей) неизбежно трансформируется: потребителя интересует все более наукоемкий (или шире: культуроемкий) товар, т. е. продукт, вобравший, «потребивший» в себя значительный объем культуры, чреватый благодаря культуроемкости большими радостями. Актуализируется тот аспект диалектики производства, который завораживал многих читателей экономическо-философских рукописей К. Маркса [5] в XX в., не ставших отдельным цельным текстом (оставшихся «гумусом» «Капитала», чье содержательное богатство в некоторых местах перевесило значимость объявленного главным сочинения К. Маркса).

Итак, сложное производство – это не столько производство, сколько производительное потребление, прежде всего, культуры, вобранной в себя человеком, являющимся и производителем и производительным потребителем, и окружающей человека. Производство культуроемкого продукта – это, в первую очередь, потребление культуры, что предполагает доступ к ней, точнее, обладание ею. До того, как труженик произведет культуроемкий продукт, он должен (праздно, неутилитарно, «безыдейно») этой культурой обладать, играючи ею распоряжаться.

Это значит, что и в сфере производства, в сфере самого труда эпохи общества потребления (в которую и Россия, пятась, но вошла) все жестче начинают срабатывать социальные фильтры доступа к культуре как к богатству («пряников сладких всегда не хватает на всех», – остроумно спел Б. Окуджава, в одной из своих песен), т. е. и доступ к культуроемкому производительному потреблению обростает системой ограничений, а именно:

радостный (культуроемкий) труд становится трудом для избранных. Такой труд – еще одна радость в репертуаре наслаждений, служащих идеологическим ориентиром для общества потребления. Получить доступ к такому труду – одна из привилегий эпохи общества потребления на продвинутой ее стадии (когда собственники, грубо говоря, наелись, потом объелись и уже после этого обратились к поиску новых радостей).

Среди фильтров доступа к такому труду важнейшими являются статус (у собственников он есть) и образованность (у собственников она есть далеко не всегда). Статус доступ открывает, но только образованность позволяет этим доступом воспользоваться. Радость обладания культуроемким богатством открывается только образованным людям. Радость от производительного потребления этого богатства (культуроемкого производства) также дана только образованным людям. Потому собственники обречены искать образованность если уж не себе, то наследникам. В этом пункте обнаруживает себя совсем иная мобильность богатых – академическая, т. е. поиск наиболее качественного образования, пусть не всегда для себя, но всегда для своего потомства.

Пока же в России наблюдается социальный диссонанс: культура легко доступна финансовой элите, но эта элита не является трудящейся, она, большей частью, сегодня праздна, ориентирована на растратное потребление. Наша элита прошла этапы активности и мобильности – захвата собственности, ограждения ее от многих рисков. Теперь она в состоянии пассивного, немобильного, непроизводительного «переваривания». Собственность (капитал) остается активной, но уже не благодаря собственникам, а лишь своей природе (капитал – самостоятельная сила, не всецело зависящая от собственника, скорее, наоборот, диктующая свою волю собственнику). Капитал требует, на наш взгляд, другого типа собственников, которые будут (активно, мобильно) обслуживать его (капитала) активность, его самовозрастание.

Такому капиталу уже не чужд, тем более не противоположен лозунг «Славим человека труда!», поскольку это эвфемизм, одно из корявых выражений сформировавшейся политико-экономической потребности в новом типе элиты – непраздной элиты, которая способна не только «проедать», т. е. непроизводительно (разрушительно) потреблять, но и потреблять производительно, иначе говоря, производить культуроемкие продукты, организовывать их производство, стимулировать, защищать, развивать. Следовательно, необразованные толстосумы смогут спасти свои капиталы при обязательном условии получения основательного образования если не ими самими, то хотя бы их наследниками.

«Славим человека труда!» – это и кокетливое подмигивание пока еще множеству (но уже начинающему иссякать) образованных россиян, большую часть которых никак не отнесешь к финансовой элите. Это намек им на возможное срабатывание для них социального лифта, на перераспределение капиталов в пользу активных, неспящих, мобильных его обладателей.

«Славим человека труда!» – это еще и этап признания социкультурным ориентиром, эталоном производительно потребляющей (неспящей) элиты, т. е. активно обслуживающей самовозрастание капитала, занятой в сфере производства культуроемких продуктов. Именно эта сфера сулит сегодня дальнейший рост капитала, именно туда он готов перемещаться. Значит, нужен и такой обладатель этого капитала, который обеспечит своему капиталу комфортное самовозрастание в данной сфере. Нужен образованный, а потому тоже мобильный капиталист.

Такому капиталисту необходим соответствующий потребностям данной сферы работник, которому уже давно есть наименование рабочей аристократии. Только в обществе потребления ее должно стать больше и количественно и качественно (она должна стать образованней, постоянно повышать свое образование, а также быть разнообразной и мобильной).

На этой основе срастаются экономические, а потому и политические интересы рабочей аристократии и неспящей финансовой элиты. Опереться на их альянс – задача политической элиты. Потому политическая элита должна создать юридические механизмы укрепления и развития этого альянса, оправдывая и пролонгируя тем самым свое политическое лидерство.

Именно политическому руководству придется решать также задачу воспроизводства и даже роста слоя потребителей, способных оценить и приобрести культуроемкий товар, т. е. слоя образованных потребителей. Надежным союзником политическому руководству при решении этой задачи может быть только неспящий капиталист. Рабочей же аристократии образованный потребитель может быть (в силу образованности) конкурентом (в связи с тем, что заработную плату работник получает от капиталиста, а не от покупателя произведенного им продукта, потому покупатели в супермаркетах – это еще и конкуренты друг другу на рынке труда). Такая конкуренция становится социально опасней межклассовой вражды работников и собственников. И предупреждать ее разрушительные последствия – задача государства, в том числе создаваемых им правовых механизмов, отстающих от требований, диктуемых ростом социально-профессиональной мобильности.

Список литературы

1. *Беляров В. В.* Труд как прапрецедент культуры (проблема «отчуждения труда») / В. В. Беляров // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2011. № 4 (24). С. 87–94.

2. *Веблен Т.* Теория праздного класса [Электронный ресурс] / Т. Веблен. Москва: Прогресс, 1984. Режим доступа: <http://www.econ.msu.ru/cmt2/lib/c/750/file/Veblen-ТРК.doc>.

3. *Гончаров С. З.* От спекулятивной экономики к экономике креативной / С. З. Гончаров // Традиционные и национально-культурные духовные ценности как фундамент инновационного развития России. Магнитогорск: Изд-во Магнитог. гос. техн. ун-та, 2010. С. 73–83.

4. *Кислов А. Г.* О требованиях к содержанию подготовки мастеров производственного обучения в условиях растущей социально-профессиональной мобильности / А. Г. Кислов // Социально-профессиональная мобильность в XXI веке: сборник материалов и докладов Международной конференции, Екатеринбург, 29–30 мая 2014 г. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2014. С. 162–168.

5. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы / К. Маркс. Москва: Академический проект, 2010. 775 с.

УДК 378.147.88

Э. Б. Коровина

E. B. Korovina

Практико-ориентированная целевая подготовка кадров для высокотехнологичных производств на основе дуальной модели профессионального образования

Professional education dual model based practice-oriented personnel training for high technology manufacture

Аннотация. Рассмотрен положительный опыт внедрения элементов дуальной системы образования в подготовку кадров для промышленной группы металлургического комплекса России. Раскрыта сущность совмещения практического обучения на предприятии и теоретического обучения студентов в обра-